

РЕСПОНСИБИЛИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ

В экспертном сообществе нет единого мнения по поводу того, кто сегодня в России входит в элиту и какова ее численность. Вместе с тем употребляемое и как бы по умолчанию понятное слово «элита» всё-таки требует четкого определения. Представляется, что в качестве основания для отнесения той или иной персоны к элите следует рассматривать ее причастность к лицам, принимающим решения (ЛПР). Но решения не просто в пределах своих профессиональных сообществ, а относящиеся к так называемой большой политике – внутренней, внешней, бюджетной, информационной, культурной и пр. – преимущественно на федеральном уровне. Однако са-

Дмитрий Александрович Андреев – первый заместитель главного редактора журнала Focus

мым важным критерием здесь является даже не столько эта аббревиатура – ЛПР, – а вроде бы не

требующее дополнительных разъяснений слово «причастность».

Дело в том, что ЛПР-сообщество – это то, что иначе называется властью. А в России на протяжении всей ее истории между элитой и властью – зазор, и довольно ощутимый, так как в ходе принятия политических решений их роли качественно разнятся. Поначалу, когда такие решения подготавливаются, вызревают, как правило в закрытом режиме, те, кто относится к элите, могут влиять – и весьма существенно – на этот процесс. Но чем ближе к концу работа над решениями, тем меньше становится круг посвященных и тем заметнее роль власти как последней инстанции, осуществляющей содержательную доводку и определяющей окончательный рисунок сшибки конъюнктурных интересов – как

Наивно полагать, что элиту можно сделать ответственной за исполнение той роли, какую она играет при власти, с помощью наспех созданных для этой цели институтов гражданского общества. Общество было и остается патерналистским – а значит, способным интегрировать связности на базе совместного исполнения обязанностей, но никак не отстаивания прав

внутри страны, так и за ее пределами. Ну а формализация решений, то есть их оглашение в той или иной идеологической обертке с указанием ответственных за выполнение, – это уже исключительная прерогатива власти.

И вот тут-то – когда начинается определение круга ответственных – и выявляется четкий водораздел между властью и элитой.

Элита – это те, кто лоббирует собственные или – в силу каких-то причин – посторонние интересы на начальных стадиях выработки решений, но не допускается до завершающих стадий, а значит – не несет никакой ответственности за их итоговое, принятое и обнародованное содержание. А власть напротив – несет ответственность, и в полной мере – от первого лица и до конкретных названных им исполнителей. Иными словами, власть – это должностные лица, чья ответственность формально предусмотрена, а элита – те, кто рядом с властью, выполняют для нее роль своеобразной референтной группы, но в итоге ни за что не отвечают. Вот что такое причастность – а именно, всегда сложно выявляемое отношение – элиты даже не столько к самим ЛПР, сколько к организуемому ими процессу.

Здесь – корень присущей нашей элите безответственности в сохраняющейся до сих пор и претерпевшей косметические, но не существенные изменения архитектуре

В России на протяжении всей ее истории между элитой и властью – зазор, и довольно ощутимый, так как в ходе принятия политических решений их роли качественно разнятся. Власть – это должностные лица, чья ответственность формально предусмотрена, а элита – те, кто рядом с властью, выполняют для нее роль своеобразной референтной группы, но в итоге ни за что не отвечают

государственного начальствования. Власть же наоборот вынуждена быть ответственной вдвойне – и за себя, и за элиту. Но возможно ли тогда добиться того, чтобы последняя стала-таки ответственной? Как осуществить респонсификацию (от англ. responsibility – ответственность) элиты?

Обычно в качестве способа исправления этого изъяна элиты называется либо радикальная чистка, либо навязывание ей транспарентных правил поведения на основе ценностей и механизмов гражд-

данского общества. Но ни то ни другое в настоящий момент не может стать реалистичной практической повесткой, имеющей хорошие шансы на осуществление. Что касается обращения к сталинскому опыту – точнее, даже не к нему самому, а к его самой вегетарианской лайт-версии, – то этого не получится из-за очевидной слабости политического режима, основанного на шатких пактах власти с элитой и с обществом. Еще наивнее полагать, что элиту можно сделать ответственной за ➔

→ исполнение той роли, какую она играет при власти, с помощью наспех созданных для этой цели институтов гражданского общества. Общество было и остается патерналистским – а значит, способным интегрировать связности на базе совместного исполнения обязанностей (община и ее эманации в советскую эпоху), но никак не отстаивания прав. Да к тому же стоит ли вообще копировать считающиеся эталонными принципы социальной организации, если они в своем развитии дошли до того манипулятивного крипототалитаризма, в каком сейчас пребывает Запад?

Поэтому выход один – работать с той действительностью, которая имеется, находить решения, позволяющие добиваться пусть незначительных, но постоянных улучшений, избегая любых резких движений. Не остается ничего другого, как постараться разглядеть в изъянах элиты ее конструктивные особенности, а в этих особенностях увидеть возможности перемен – основательных, но вместе с тем органично и естественно вытекающих из наличной ситуации.

Считается аксиомой, что элита понимает собственные интересы сугубо меркантильным образом, а потому берет взятки, выводит капиталы за рубеж и вообще готова ради своих активов внутри страны и за ее пределами сдать кого и что угодно. Да, эти интересы, несомненно, важны, и недоучитывать их ни в коем случае нельзя. Однако совершенно неправильно объяснять поведение элиты только ими. Такой взгляд упрощает действительность – а значит, искажает ее. На самом деле элита поступает сообразно сложному мотивационному комплексу, в котором материальные интересы играют значимую, но далеко не единственную роль.

Взять, к примеру, злободневную проблему коррупции. Смешно полагать, что это явление свойственно только нашей стране и другим государствам, в которых институты слабы, а демократия неразвита. Коррупция – это обще-

**У нас коррупция тоже
проистекает из неурядка
с легитимностью – только
не статуса элитария, который
определяет должностные
возможности и их проекции
в сферу социальных
отношений, а его владений
с непрозрачным прошлым.**

**Отсюда – повально
распространенный синдром
неуверенного правообладате-
ля, выражающийся
в иступленном стремлении
подготовить подушки
безопасности на случай
утраты таких владений**

мировой тренд, усиливающийся параллельно с глобализацией. Инфляция государственного суверенитета делает неизбежной инфляцию суверенитета элиты как субъекта, так или иначе задействованного в процессе принятия управленческих решений. В результате возникает ситуация, так сказать, социального демпинга, когда ради выживания в динамично меняющихся конфигурациях глобального мира элита оказывается вынужденной осуществлять профессиональные функции на более примитивном уровне, что приводит к заметным статусным издержкам, препятствует работе институтов вертикальной мобильности и ротации. И коррупция, повсеместно распространяющаяся среди национальных элит во всём мире, должна рассматриваться как закономерный результат такого демпинга. Элиты поставлены перед необходимостью определять рыночные эквиваленты своего влияния и, следовательно, выполнять управленческие функции в пространстве уже не столько политики – публичной или непубличной, – сколько специфических транзакций, в которых легитимность статуса обусловлена уровнем его капитализации.

Но это внешний фон проблемы, которая в России преломляется несколько иначе. У нас коррупция тоже проистекает из неурядка с легитимностью – только не статуса элитария, который определяет должностные возможности и их проекции в сферу социальных отношений, а его владений с непрозрачным прошлым. Отсюда – повально распространенный синдром неуверенного правообладателя, выражающийся в иступленном стремлении подготовить подушки безопасности на случай утраты таких владений или невозможности пользоваться ими в полной мере. Но у этого синдрома есть и обратная сторона. Перманентно поисковый, зондирующий настрой пребывающего в подвешенном состоянии элитария делает его всеядным,

то есть в принципе готовым урвать с помощью занимаемого им места хотя бы что-то. И это что-то может быть не обязательно взяткой – в конце концов, стодятся любые бонусы. И вот тут возникает определенное пространство для маневра.

Участившиеся в последнее время наказания отдельных зарвавшихся элитариев, безусловно, оказывают на остальных воспитательное воздействие и заставляют их если и не отказать совсем от теневых доходов, то, во всяком случае, действовать аккуратнее, с оглядкой, избегая чересчур одиозных сделок. Это уже хорошо, и продолжать публичные порки необходимо. Ресурс их влияния на элиту далеко не исчерпан, и они, как представляется, будут укреплять возникшее в связи с экономической нестабильностью ощущение отложенной тревожности, фиксируемое в последнее время экспертами в качестве серьезного фактора, определяющего поведение тех, кому есть что терять. Отложенная тревожность подстегивает элиту быть неразборчивой в погоне за благами, поскольку ей исторически свойственно взимать статусную ренту во всём многообразии этого феномена, включая в том числе и его знаковые составляющие. Ведь кормиться с должности – значит не только поправлять поборами обычно скудное государственное жалование, но и пользоваться целым набором именно символических привилегий, без которых не наступает ощущения полноты обладания высоким местом и пестуемая страсть к тщеславию и честолюбивым помыслам остается неудовлетворенной. Среди подобных привилегий – награды и право участия в ритуалах и церемониях, совершаемых властью, ранжированная атрибутика занимаемой должности – советские номенклатурные спецраспределители и нынешние детально регламентированные правила пиара за государственный счет или пользования служебным транспортом (как вариант – бизнес-классом

или персональным бортом), допуск к великосветской жизни во всех ее проявлениях или возможность досуга, подчас весьма экстравагантного, и многое другое.

Кормиться с должности – значит не только поправлять поборами обычно скудное государственное жалование, но и пользоваться целым набором именно символических привилегий, без которых не наступает ощущения полноты обладания высоким местом и пестуемая страсть к тщеславию и честолюбивым помыслам остается неудовлетворенной

Наибольшей виртуозности в управлении элитой власть добилась в советскую эпоху, когда деньги имели во многом символическое значение и все привиле-

гии – как материальные, так и нематериальные – распределялись сверху вниз по служебной вертикали. В постсоветской России статусная рента свелась почти исключительно к коррупции, а на всякую другую блажь просто перестали обращать внимание, так как она превратилась в объект обычной купли-продажи. Санционирование теневой монетизации элитных предпочтений стало грубой ошибкой, которую власть до сих пор не исправила. Между тем единственный способ обуздать коррупцию – именно обуздать, качественно понизить ее уровень, но не ликвидировать полностью, что просто невозможно из-за отмеченного глобального тренда, – получится только при одновременном повышении значимости для элиты как раз имиджевых приобретений. Должен быть найден разумный баланс между материальной и нематериальной составляющими статусной ренты, а уже затем следует приступить к постепенному наращиванию последней за счет первой.

Переформатированию статусной ренты будет объективно способствовать еще один фиксируемый экспертами тренд, набирающий силу на Западе. Этот тренд выражается в том, что люди – причем не только массы, но и элиты – стали мотивироваться эмоциями гораздо сильнее, нежели собственными интересами. По-видимому, такая мотивационная революция в модельных гражданских обществах, пронизанных духом взаимного учета интересов и к тому же еще устанавливающих модернизационные стандарты для остального мира, рукотворна и является одной из технологий манипулятивного управления. Но в данном случае это не имеет значения. Важно другое: указанный тренд проникает и в общество, в которых массовые настроения обычно регулируются иначе и которые поэтому пока невосприимчивы к западным практикам удушения политкорректностью. Среди таких обществ и ➔

→ наше. Во всяком случае, в последние годы, примерно с акций «рассерженных горожан» в конце 2011 – начале 2012 года, эмоциональная составляющая публичных коммуникаций заметно усилилась и до сих пор остается на повышенных тонах, что также создает дополнительные благоприятные условия для формирования соответствующих информационных поводов в СМИ, пиара

ство персонального и коллективного долга, вместо которого – одно выслуживание перед вышестоящими.

В определенном смысле приведенный диагноз соответствует действительности, но только в своей констатирующей части, взятой отдельно от сделанных на ее основе оценочных суждений: элита действительно живет преимущественно на «лестницах», веду-

щих вверх и вниз, и избегает контактов на «этажах».

Но происходит это не потому, что она вынуждена приспособливаться к пронизывающей всё и вся вертикали власти, которая полностью замыкает элиту на себя и для удобства управления ею преднамеренно препятствует ее самоорганизации на горизонтальном уровне.

Люди – причем не только массы, но и элиты – стали мотивироваться эмоциями гораздо сильнее, нежели собственными интересами. По-видимому, такая мотивационная революция в модельных гражданских обществах рукотворна и является одной из технологий манипулятивного управления

показательных примеров измененной мотивации элиты или, напротив, негативной реакции на навязываемую ей новую модель статусной ренты.

Довольно популярным является мнение, что элиту делает безответственной в том числе ее специфическая организация: мол, она выстраивается по вертикали, поэтому горизонтальные коммуникации внутри нее недоразвиты, в результате чего она не воспринимает себя целостной и солидарной корпорацией, не осознает собственной миссии, ей неведомо чув-

Точнее, такая потребность власти – понятная и обоснованная по причине ее неинституциональной природы, вынуждающей действовать не в соответствии с нормами, а казуально, в режиме ручного управления, – созвучна наиболее органичному для самой элиты способу существования, обусловленному ее патрон-клиентским естеством.

Однако подобное совпадение – не более чем хорошее стартовое условие функционирования элиты, удачная возможность для нее состыковать собственную органи-

ку с внешней средой. Конструктивный потенциал патрон-клиентской культуры не задействован должным образом и проявляется спорадически, как правило, в экстремальных ситуациях, сводясь преимущественно к соблюдению недопустимости сдавать своих. Конечно, способность к почти мгновенной групповой мобилизации, когда вертикально ориентированный, то есть основанный на отношениях господства-подчинения, субъект буквально уплощается в закрытую со всех сторон и сверху щитами древнеримскую «черепаху», в которой чувство локтя, взаимное доверие и синхронизация индивидуальных и коллективных воли и действий превращают патронов и клиентов в единый организм, – значимое, но производное свойство этой культуры. Оно обусловлено важнейшей особенностью отношений патронов и клиентов, заключающейся в том, что дистанция между ними не статична, а может сокращаться или увеличиваться, принимая размер, оптимальный для реализации их взаимных обязательств друг перед другом в той или иной ситуации.

При формально регламентированных коммуникациях начальника и подчиненного, что характерно для простроенного институционального ландшафта и развитых социальных отношений в поле гражданской гравитации, ничего подобного не может быть по определению. Их связывают не взаимные обязательства, а должностные обязанности. Они в равной мере субъектны и вступают в деловые отношения друг с другом постольку, поскольку это на данный момент отвечает их интересам. В то же время субъектность и патрона, и клиента весьма условна: определенную целостность, завершенность эта пара приобретает только вместе. Интересы тут, безусловно, тоже присутствуют, но не в виде воспринятого в качестве ситуативно оптимального сочетания желаний и возможностей, но скорее как неизбежность, как невозможность поддерживать собственный статус иным образом. В этом смысле участники патрон-клиентских отношений – негативные бенефициары: они

обречены извлекать выгоду из сотрудничества друг с другом, потому что им не остается ничего другого – по отдельности, в отрыве друг от друга они становятся неконкурентоспособными в коммуникациях с внешним миром, а значит, неминуемо утрачивают свое социальное лицо.

Отсюда и разные модели ответственности, которые можно условно назвать открытой и закрытой.

При нормированном партнерстве начальник и подчиненный ответственны как друг перед другом, так и перед окружающим их миром, но каждый сам за себя в отдельности. Причем обоими приоритетной считается именно внешняя безукоризненность. Интересы динамичны, и в любой момент и тот и другой могут посчитать для себя более выгодными деловые отношения с иными лицами, поэтому внешняя репутация в среде потенциальных новых партнеров гораздо важнее: она рассматривается как инвестиция в будущее. То есть ответственность начальника и подчиненного ориентирована вовне, хотя и заявлена как равновесная, со сбалансированным соблюдением внутренних и внешних обязательств.

У патронов и клиентов всё ровно наоборот: по большому счету они ответственны лишь друг перед другом, внешняя же среда их мало волнует и вообще воспринимается ими как пространство, в котором изыскиваются (или изымаются) ресурсы для содержания клиентов или для подношений патронам. Ответственность и тех и других направлена внутрь пространства патрон-клиентских отношений – она закрыта, в том числе и на уровне публичной демонстрации: «доны» и их «семьи» не скрывают, что «омерта» не распространяется на чужаков.

Каждая из этих моделей ответственности предполагает и свой вариант безответственности. По

сути, речь тут идет о разных подходах к феномену, который Нассим Талеб называет агентской проблемой. Эта проблема заклю-

Элита живет преимущественно на «лестницах», ведущих вверх и вниз, и избегает контактов на «этажах». Но происходит это не потому, что она вынуждена приспосабливаться к пронизывающей всё и вся вертикали власти.

Точнее, такая потребность власти созвучна наиболее органичному для самой элиты способу существования, обусловленному ее патрон-клиентским естеством

чается в том, что инициативы нанятых работников, которые выглядят здоровыми и отвечающими

интересам всего предприятия, на самом деле придумываются ради того, чтобы исподволь приносить дивиденды им самим, причем за счет либо хозяина бизнеса, либо остального общества. Если такая инициатива оправдывает себя, то нанятый работник оказывается в выигрыше. Если же он ошибается, то последствия рисков компенсируют другие – опять-таки или собственник, или окружающие.

В данной оптике сообщество, организованное по принципу начальства-подчинения, ассоциируется с агентом, предпочитающим рисковать за счет партнера, а патрон-клиентский тандем подобен агенту, сбрасывающему риски за пределы предприятия. Предложенная аналогия позволяет еще раз, но уже с другой стороны, увидеть, почему при классическом гражданском строе элита не может не быть ответственной по отношению к обществу, а в отсутствие такого строя, да еще когда она сформирована в соответствии со строгими корпоративными нормами, у нее это объективно не получается.

Выходит, что из-за патрон-клиентской природы наша элита обречена на безответственное отношение ко всему тому, что находится за ее пределами. Но и на эту проблему можно посмотреть иначе. Энергия внутриэлитной ответственности – чрезвычайно мощная, и стоит подумать о том, как распространить ее за пределы жесткой корпоративной скорлупы, на орбиты находящихся рядом с элитой и рекрутированных из общества субэлит-спутников, выполняющих посреднические функции в пространстве между элитой, с одной стороны, и властью с обществом – с другой. В принципе именно под такой проект в свое время создавался ОНФ, вроде бы даже и реанимированный ныне для большого электорального цик- ➔

→ ла 2016–2018 годов, да еще с явным спецзаданием от власти быть смотрящим за элитой. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба этой структуры, она в любом случае останется показательным примером субэлитного конструирования, когда нарушается замкнутость элиты и она понуждается к ответственности и в отношении своих новообразованных вассалов, что свидетельствует о фактическом разрешении посторонним проникать на прежде закрытую для них территорию «омерты».

Элита выполняет своего рода номотетическую функцию, задавая нормативную и оценочную системы координат. Даже если общество считает элиту некондиционной, не отвечающей представлениям о том, какой она должна быть на самом деле, оно всё равно испытывает на себе воздействие тех смыслов, идей и стилей, которые порождены ею, – если и не подражая им, то полемизируя с ними или даже воспринимая их как антиидеал. В этом заключается тотальность определяемой элитой моды, под которой понимается актуальность в ее знаковых выражениях, – ее можно не принимать, но игнорировать, делать вид, будто ее не существует, не получается. Этот критерий – способность делать погоду – является надежным индикатором того, кто входит в элиту, а кто не имеет к ней никакого отношения.

На Западе в последние десятилетия номотетическая роль усложнилась: вдобавок к прежней предназначенной для всеобщего потребления моде (моды-1) элита стала формировать еще одну моду, или моду-2. Если мода-1, как и раньше, несмотря на ее возможную спорность, тем не менее всё-таки ориентируется на реальную жизнь и формулирует ее повест-

ку, то мода-2 изначально существует как бы в ином измерении. Она насаждает виртуальную культуру, выставляет девиации в качестве эталонов, демонстративно игнорирует и даже дискредитирует моду-1, если только та осмелится заявить о своем тотальном господстве. Мода-2 наиболее за-

ми руками анонимных модераторов социальных сетей.

Причина выделения моды-2 в самостоятельное номотетическое направление и постепенное подавление ею моды-1 объясняется протекающими в обществе потребностями процесса десоциализации.

Такие привычные связности – реликты моды-1, – как трудовой коллектив, городское соседство, досуговое объединение, профсоюз, политическая партия, закрытый клуб и многие-многие другие, переживают кризис из-за того, что потре-

бительские практики становятся всё более изощренными и потому требуют для себя иной организации социального пространства. Растет популярность различных форм *ad hoc* комьюнити, характеризующихся локальностью и непродолжительностью существования.

Правда, российская элита заметно отстает от этого мирового тренда. Сырьевая экономика и развитая система рентных отношений мешают ей имплементировать в Россию моду-2. То есть элита не производит и не транслирует моду-2 не из-за каких-то высоких моральных принципов и приверженности традиционным ценностям, а в силу того, что для поддержания собственного статуса ей вполне хватает моды-1.

Однако остаточная патриархальность – величина переменная. Тем более что в мировом масштабе всё явственнее утверждается правило, в соответствии с которым право заниматься политикой и бизнесом – иными словами, право быть элитой, – не говоря уже о возможности использовать то, что Джозеф Най назвал мягкой силой, будет предоставляться не в соответствии с личными качествами и даже не с учетом покупательной способности претендента на статус элитария, а

Патроны и клиенты по большому счету ответственны лишь друг перед другом, внешняя же среда их мало волнует и вообще воспринимается ими как пространство, в котором изыскиваются (или изымаются) ресурсы для содержания клиентов или для подношений патронам.

Ответственность и тех и других направлена внутрь пространства патрон-клиентских отношений

метна, разумеется, в пространстве культуры – здесь ее наступление объясняют агрессивной экспансией Постмодерна, – но она всё громче заявляет о себе и в области политики, превращая ее в медийный продукт (демонстрацию в режиме реального времени широкого спектра зрелищ: от электоральных побед и поражений до революций и войн) и в управление общественными процессами

исключительно при условии его готовности стать проводником ценностей, навязываемых модой-2. Поэтому недалек день, когда и наша элита окажется перед дилеммой: забыть о пестуемом «Единой Россией» консерватизме вкупе с прочими традиционными ценностями и ради сохранения статуса стать промоутером моды-2 или остаться в рамках моды-1.

Не исключено, что западные санкции несколько отсрочат этот номотетический выбор. Но рано или поздно его всё равно придется делать. Поэтому лучше заранее, уже сейчас публично свидетельствовать об этом выборе и о том, какие последствия для страны будет иметь утверждение в ней стандартов моды-2. Подобный разворот темы о духовных скрепах и традиционных ценностях способен освежить ее восприятие и привлечь внимание адресной аудитории. А главное – несколько упредить развитие событий, чтобы ко времени, когда элита начнет активно примеряться к моде-2, в общественном мнении существовала аргументированная и разделяемая большинством позиция об опасности, прежде всего для самой элиты, такого шага.

Наконец, не обойтись и без идеологического перепрограммирования, особенно если учесть, что значительная часть элиты уже достаточно длительное время если не исповедует, то, как минимум, открыто не отвергает того, что Джордж Оруэлл называл двоемыслием.

Истоки этой ситуации уходят в дореволюционное прошлое, когда элита Российской империи, с одной стороны, продолжала по-прежнему, хотя уже и без особого рвения, скорее по привычке, придерживаться самодержавного взгляда на процессы, происходившие в стране и в мире, а с другой стороны, стала активно проникаться господствовавшими в среде либеральной интеллигенции и мелкого чиновничества

идеями о неизбежности и желательности конституционного правления для России. И это несмотря на то, что сама либеральная среда крайне негативно воспринимала имперскую элиту, счи-

идеологии восходящий тренд и, желая выглядеть современной, или – как тогда любили выражаться – прогрессивной, решила последовать ему. Постепенно самодержавный компонент мировоззрения элиты профанировался, зато либеральный возрастал и усиливался. Из начала латентных конституционалистов элитарии превращались в конституционалистов явных. Не будет особым преувеличением сказать, что и Февраль 1917 года стал возможен во многом благодаря такой идеологической мутации элиты. Причем мутации, пошедшей во вред ей самой, ведь после падения самодержавия она перестала быть элитой и либо эмигрировала, либо была уничтожена в гражданской войне или впоследствии – в ходе многочисленных чисток.

Советская элита пошла тем же самым путем. Демонстрируя на словах веру в партию и коммунизм, она щеголяла показным диссидентством, причем всё менее и менее скрываемым по мере ослабления режима во второй половине прошлого века, а с началом перестройки оказалась в авангарде разрушения страны. С оправданием и обоснованием двоемыслия и на этот раз всё было в порядке: сначала мифы о конвергенции, а затем точно такие же мифы об исчерпанности социалистического проекта и его непреодолимом кризисе снимали с элиты всякую ответственность за мировоззренческую гибкость. Правда, дальнейшая судьба советской элиты оказалась гораздо более благоприятной, нежели у ее самодержавной предшественницы. После распада СССР в отвал была сброшена лишь самая верхушка прежней советской номенклатуры, а те, кто находился ниже, благодаря накопленным теневым активам и сохранившимся связям идеально вписались в новый строй. Так было в России, а в союзных республиках в отвале практически ➔

Элита выполняет своего рода номотетическую функцию, задавая нормативную и оценочную системы координат. Даже если общество считает элиту некондиционной, оно всё равно испытывает на себе воздействие тех смыслов, идей и стилей, которые порождены ею, – если и не подражая им, то полемизируя с ними или даже воспринимая их как антиидеал

тала ее столпом режима и вообще всячески демонстрировала ей свое пренебрежение. Но данный факт нисколько не смущал элиту, которая усмотрела в либеральной

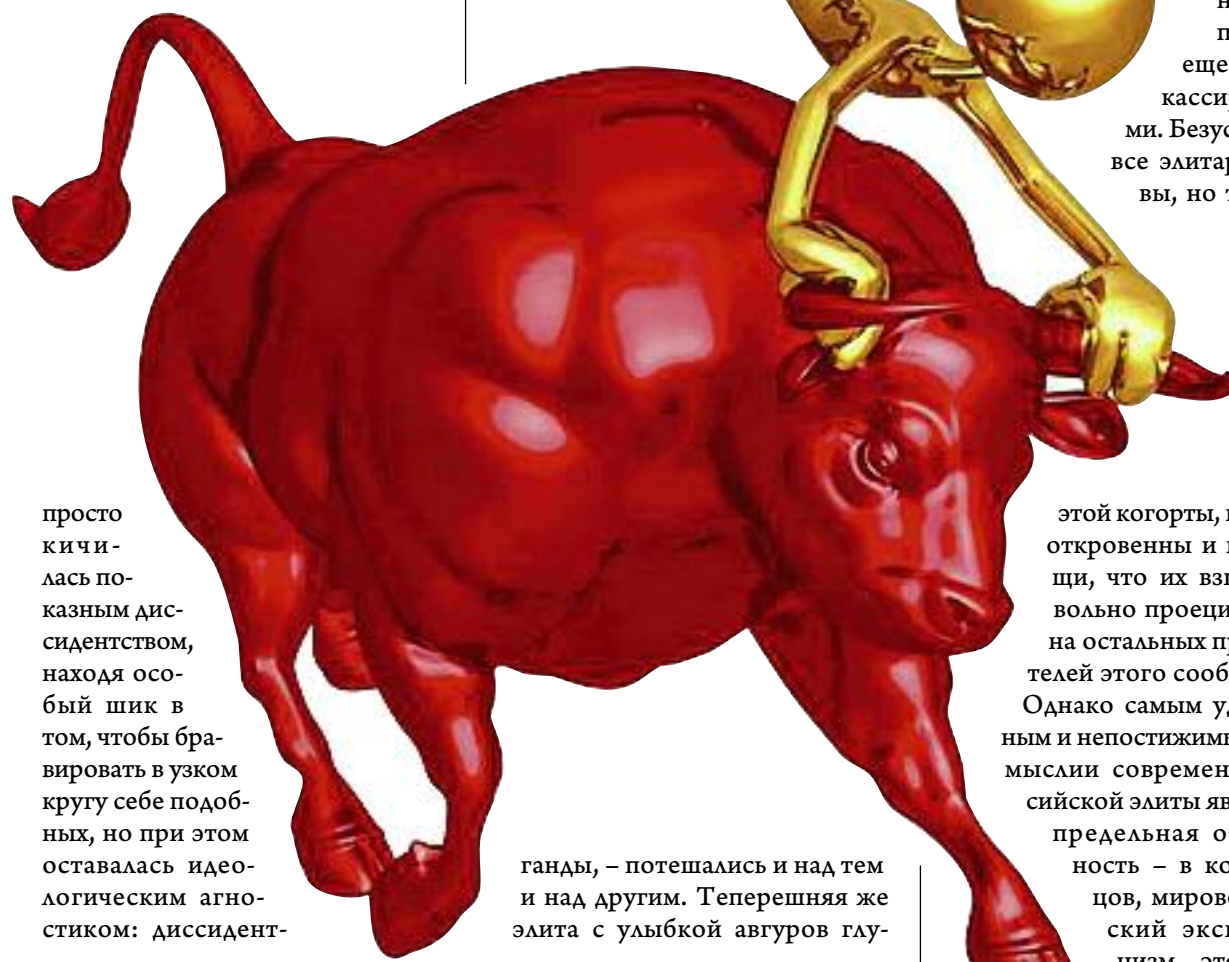
→ никто и не оказался: вчерашние партийные лидеры быстро пере-квалифицировались в руководителей новых независимых государств.

В настоящий момент можно наблюдать уже третью версию двоемыслия отечественной элиты – версию, которая выглядит гораздо более одиозной и кричащей, чем обе предшествующие. Мировоззрение очень многих сегодняшних элитариев с трудом можно назвать двоемыслием – тут и близко нет какой-то неуверенности, неготовности окончательно стать на одну или на другую позицию. Советская номенклатура

ские идеалы были для нее далеки точно так же, как и надоевшие клише официальной пропа-

мится лишь над официозом – а сейчас, после Крыма и санкций, делает это с какой-то особой изощренностью, открыто исповедуя при этом идеологию непримиримой оппозиции – идеологию, которую по привычке называют либеральной или демократической, но которую гораздо правильнее идентифицировать как просто антисистемную и компрадорскую. Позиция понятная и по-своему цельная: чтобы, как говорит герой «Берегись автомобиля», «когда это всё кон-

чится», оказаться своими для чужих по обе стороны границы РФ и при этом еще и не раскассированными. Безусловно, не все элитарии таковы, но те, кто из

просто кичилась показным диссидентством, находя особый шик в том, чтобы бравировать в узком кругу себе подобных, но при этом оставалась идеологическим агностиком: диссидент-

ганды, – потешались и над тем и над другим. Теперешняя же элита с улыбкой авгуров глу-

этой когорты, настолько откровенны и вызывающи, что их взгляды невольно проецируются и на остальных представителей этого сообщества.

Однако самым удивительным и непостижимым в двоемыслии современной российской элиты является не предельная откровенность – в конце концов, мировоззренческий эксгибиционизм – это тоже характерный маркер времени, – а то, что оно почему-то является фигурой умолчания. Уж как только ни честят сегодня элиту, но при этом почему-то что власть, что общество вменяют ей в вину лишь коррупцию да зарубежные активы, а об идеологическом двурушничестве – молчок. Отдельные суждения типа высказывания Елены Чудиновой о «катастрофической сроченности провластной и либерально-оппозиционной элиты»

Мода-2 наиболее заметна в пространстве культуры – здесь ее наступление объясняют агрессивной экспансией Постмодерна, – но она всё громче заявляет о себе и в области политики, превращая ее в медийный продукт – демонстрацию в режиме реального времени широкого спектра зрелищ

едва заметны за валом громких коррупционных дел и дружным хором обличителей высоких чиновников, берущих взятки. Что это – политическая близорукость или же дальний расчет, нежелание ставить в вину то, что завтра, может быть, будет восприниматься как доблесть? Или же начало пришествия моды-2?

Не замечать двоемыслия элиты, игнорировать его как нечто второстепенное и малозначи-

кие-то материалы в электронных или печатных СМИ спровоцируют иски об оскорблении чести и достоинства. Да, можно представить себе, какой шум поднимут представители оппозиции, выставляя такой разговор инспири-

ческие вопросы. А вот результат разговора может стать чрезвычайно важным. Конечно, потребуется соответствующая подготовка, чтобы сразу задать планку этого обсуждения – не впадая в примитивную конспирологию, а ставя фундаментальные вопросы. Необходимо будет предусмотреть реакции на кампанию основных групп внутри элиты, а также наиболее репрезентативных в идеологическом отношении констелляций внутри общества. Главное, что затея в любом случае не

мое ни в коем случае нельзя. Имперский и советский

примеры показывают, к каким катастрофическим последствиям может приводить невнимание к склонности элиты сидеть на двух стульях и ее готовности заплатить за такую возможность любую цену – вплоть до отречения от идеологии того строя, который, собственно, и сделал ее элитой.

Поэтому, как и вопрос о моде-2, предрасположенность элиты к двоемыслию следует обсуждать открыто, выходя на проблемы идеологии, мировоззренческих ориентаций и в целом мотивационных оснований нынешнего нобилитета. Несмотря на то, что шанс превращения такого разговора в очередную казенную кампанейщину чрезвычайно велик, одно только появление этой темы в политическом дискурсе будет иметь буквально взрывной эффект. Да, тут не обойтись без задеваний кого-то и неудобных вопросов кому-то, пусть даже и риторических. Да, возможно, ка-

Преодоление всех перечисленных издержек – это всего лишь технические вопросы. А вот результат разговора может стать чрезвычайно важным. Конечно, потребуется соответствующая подготовка, чтобы сразу задать планку этого обсуждения – не впадая в примитивную конспирологию, а ставя фундаментальные вопросы

рованным властью поиском «пятой колонны» (или ее более коварного отряда – «шестой колонны») и «агентов влияния», возвращением к сталинщине. Но преодоление всех перечисленных издержек – это всего лишь техни-

останется незамеченной элитой и неизбежно окажет на нее воздействие. По сути, ставится задача организовать «русскую весну-2» – наподобие первой «русской весны» 2014 года, когда во многом именно стремительно оформившееся новое большинство и слаженная информационно-пропагандистская кампания нейтрализовали возможное противодействие со стороны элиты сознательному обострению отношений с Западом. В конце концов, чтобы ни говорили о том, что три года назад прежде всего сам режим испугался «русской весны» и сделал всё для ее прекращения, но маячащие чуть более чем через полгода президентские выборы в любом случае вынудят власть задействовать те или иные механизмы общественной мобилизации – наподобие того, как это было в 2014 году. По-другому просто не получится. Не умеем. **Ф**